

## Руанда как восходящий африканский «центр силы»? Три десятилетия постгеноцидного развития

© Денисова Т.С.<sup>a,b</sup>, Костелянец С.В.<sup>a,c</sup>, 2024

<sup>a</sup> Институт Африки РАН, Москва, Россия

<sup>b</sup> ORCID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

<sup>c</sup> ORCID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

**Резюме.** В апреле 2024 г. Руанда отметила 30-летний «юбилей» «геноцида тутси», унесшего жизни почти 800 тыс. человек. Последствия этой трагедии до сих пор сказываются на всех аспектах политической и экономической жизни страны, в том числе на взаимоотношениях между представителями двух крупнейших народов – тутси и хуту, стремящихся, хотя и не всегда успешно, жить в мире и согласии. Правительство Поля Кагаме активно продвигает идеологию «руандийства», т.е. стирания граней между различными этническими группами, и проводит политику «единения нации», но избирательные репрессии, безнаказанно проводимые силовыми структурами, и предоставление тутси особых преференций в сферах занятости, образования и др. препятствуют процессу интеграции. Таким образом, успешно обеспечивая посредством тотального контроля свою безопасность, режим Кагаме одновременно создает предпосылки к возникновению проблем, с которыми, возможно, придется столкнуться следующим поколениям руандийцев.

**Ключевые слова:** Руанда, геноцид, Поль Кагаме, военно-политические конфликты, экономическое развитие, тутси, хуту

**Благодарность.** Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

**Для цитирования:** Денисова Т.С., Костелянец С.В. Руанда как восходящий африканский «центр силы»? Три десятилетия постгеноцидного развития. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 9. С. 12–20. DOI: 10.31857/S0321507524090022

## Rwanda as Africa's Rising Center of Power? Three Decades of Post-Genocide Development

© Tatyana S. Denisova<sup>a,b</sup>, Sergey V. Kostelyanets<sup>a,c</sup>, 2024

<sup>a</sup> Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,  
Moscow, Russia

<sup>b</sup> ORCID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

<sup>c</sup> ORCID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

**Abstract.** In April 2024, Rwanda commemorated the 30th anniversary of the Tutsi genocide, which claimed the lives of almost 800 thousand people. The consequences of this tragedy still affect all aspects of the political and economic life of the country, including the relationship between representatives of its two largest peoples – the Tutsi and the Hutu, who strive, although not always successfully, to live in peace and harmony. The government of Paul Kagame is actively promoting the ideology of “Rwandanness”, i.e. blurring the lines between different ethnic groups, and pursues the policy of “national unity”, but selective repression carried out with impunity by security forces and the provision of special preferences to Tutsis in the areas of employment, education, etc. hinder the integration process. Largely due to Western assistance, the regime managed to achieve considerable success in the economic field, although inequality between different groups of the population persists, becoming an important conflict factor. While successfully ensuring its survival through total control, the Kagame regime simultaneously creates the preconditions for problems that future generations of Rwandans may have to face.

**Keywords:** Rwanda, genocide, Paul Kagame, military-political conflicts, economic development, Tutsi, Hutu

**Acknowledgement.** This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development № 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.

**For citation:** Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Rwanda as Africa's Rising Center of Power? Three Decades of Post-Genocide Development. *Asia and Africa today*. 2024. № 9. Pp. 12–20. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507524090022

## ВВЕДЕНИЕ

Понятие «мировые центры силы» (МЦС) – экономические, политические, социокультурные и пр. – стало использоваться политологами и специалистами-международниками с середины XX в.<sup>1</sup> Одновременно начались дискуссии о критериях включения тех или иных стран в эту категорию; при этом бесспорными показателями оставались «эффективное экономическое развитие», «успешное привлечение инвестиций», «внутриполитическая стабильность» и «заметное влияние на мировую политику». До недавнего времени МЦС считались США, Великобритания, Китай, Индия, с некоторыми оговорками – Россия, Европейский Союз в целом и Япония. В XXI в. появилось понятие «региональные центры силы» (РЦС), к каковым стали причислять Бразилию, Саудовскую Аравию, Египет, иногда – ЮАР и Нигерию. Между тем на Африканском континенте есть еще по крайней мере одно государство, которое позиционирует себя в качестве РЦС, – Руанда, безусловно имеющая основания для подобных претензий, хотя существуют и препятствия на пути обретения ею столь почетного статуса.

После геноцида 1994 г., наложившего свой отпечаток на дальнейшее развитие Руанды и поставившего перед руководством страны ряд неотложных задач – восстановление экономики, ослабленной масштабным кровопролитием, укрепление государственных институтов, достижение примирения между «жертвами-тутси» и «убийцами-хуту» и политической стабильности в целом, прошли 30 лет.

Если оценивать современное состояние руандийского государства с учетом его военной мощи и способности сохранять монополию на насилие, степени централизации политической власти и привлечения средств на развитие, можно сказать, что власти страны добились на этих направлениях заметных успехов.

Как, возможно, ни в одной другой африканской стране, в Руанде в течение 3 последних десятилетий достижения и неудачи правительственной политики во всех её аспектах зависели от характера не только установившегося политического режима, но и его лидера – Поля Кагаме (тутси). Он впервые занял высший государственный пост в 2000 г., но фактически захватил бразды правления еще в 1994 г. – после того как возглавлявшийся им Руандийский патриотический фронт (РПФ) прекратил геноцид.

Проявив незаурядные способности политического деятеля, чтобы продемонстрировать свое стремление к единству и примирению и привлечь западных доноров, сразу после тех событий Кагаме создал коалиционное правительство, включавшее и тутси, и хуту. Президентом (1994–2000) стал представитель «умеренных хуту» Пастёр Бизимунгу, а сам лидер РПФ занял должности вице-президента и министра обороны [1].

Стабилизация внутриполитической обстановки, передышка после проведения РПФ военных операций, «зачистка» противников постгеноцидного режима, установление тесных контактов с западными спонсорами, у которых Кагаме умело подогревал чувство вины за неспособность воспрепятствовать кровопролитию [2], и, безусловно, обретение управленческого опыта подвели Кагаме к новому рубежу – превращению в полновластного лидера страны. После отстранения Бизимунгу и самоназначения на пост президента в 2000 г. он одерживал электоральные победы 4 раза: в 2003, 2010, 2017 и 2024 гг., неизменно получая не менее 90% голосов.

## ДОСТИЖЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

В результате событий начала 1990-х гг. – конфликта между тутси и хуту 1991–1993 гг., геноцида 1994 г., бегства из страны примерно 2 млн её жителей (представителей обеих этнических групп) и исхода иностранных специалистов – почти вся экономическая деятельность в Руанде оказалась приос-

<sup>1</sup> <https://gtmarket.ru/library/articles/439> (accessed 13.07.2024)

тановленной; были разрушены многие инфраструктурные объекты; возникла масштабная нехватка персонала госучреждений, а также сельскохозяйственных и промышленных рабочих. Однако, несмотря на все эти проблемы, Кагаме поставил перед государством амбициозные цели создания «технократического государства», превращения Руанды к 2035 г. в «страну со средним уровнем доходов» (ССУД) [3, р. 556] (т.е. с годовым ВВП на душу населения не менее \$1086<sup>2</sup>) и к 2050 г. – в «страну с высоким уровнем доходов» (не менее \$14 005)<sup>3</sup>.

Уже в конце 1990-х – 2000-е гг. в стране начались быстрая индустриализация, выразившаяся в восстановлении старых и создании новых предприятий обрабатывающей промышленности; ликвидация торговых барьеров; упорядочивание налогообложения, сопровождавшееся ростом поступлений в государственную казну; расширение производства продуктов питания и экспортных сельскохозяйственных культур (чая, кофе и др.); оздоровление инвестиционного климата и т.д. Была создана благоприятная среда для привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ), направлявшихся прежде всего в секторы ИКТ, банковско-финансовый и энергетический. Главными инвесторами в экономику Руанды стали США, Великобритания, Германия, Нидерланды, некоторые другие страны Евросоюза и Китай. В 2023 г. объем только западных ПИИ составил \$146 млн, увеличившись по сравнению с 2022 г. на \$10 млн<sup>4</sup>. Кроме того, США ежегодно оказывают Руанде гуманитарную и техническую помощь более чем на \$100 млн. Несмотря на незначительный объем внутреннего рынка, Руанда стала важным хабом для американских ТНК, инвестирующих в Восточную Африку [4].

Темпы роста ВВП в 2022–2023 гг. достигли 8,2%<sup>5</sup> (в предыдущие несколько лет – около 5%), и предполагается, что в 2024–2026 гг. они сохранятся<sup>6</sup>. Объем ВВП, составивший в 2023 г. \$14,1 млрд, заметно вырос за 30 лет (в 1993 г. – \$1,97 млрд, в 2020 г. – \$10,17 млрд<sup>7</sup>), а на душу населения достиг \$1000<sup>8</sup>, т.е. почти достиг необходимого для обретения статуса ССУД уровня. Но требуется макроэкономическая стабильность, пока омрачаемая ростом инфляции (с 13,9% в 2022 г. до 14,3% в 2023 г.), отражающим повышение цен на импортные товары, и незначительным снижением уровней бедности (с 47% в 2019 г. до 45% в 2021 г.) и безработицы (с 43,4% в 2022 г. до 40,2% в 2023 г.)<sup>9</sup>.

Несмотря на заметный рост ВВП, его структура за 10-летний период – с 2013 по 2024 г. – изменилась мало: вклад сектора услуг несколько снизился – с 49,8% до 47,9%, сельского хозяйства – сохранился на уровне примерно 25%, промышленности – повысился с 17,6% до 18,9%<sup>10</sup>. Пока основными секторами обрабатывающей промышленности Руанды являются «традиционные» для многих африканских стран пищевая, мясоперерабатывающая, мебельная, обувная, текстильная, химическая и производство строительных материалов (цемента). Между тем план развития экономики на 2025–2029 гг. (*National Strategy 2025–2029*) предусматривает структурные трансформации в сторону увеличения долей обрабатывающей промышленности и сектора услуг, предпосылки для чего уже сформированы, в частности благодаря созданию 9 промышленных парков, в которых имеется вся необходимая инфраструктура<sup>11</sup>. Что касается агросферы, наибольшее внимание стало уделяться развитию крупных плантационных хозяйств и выращиванию экспортных культур – отчасти за счет продовольственных.

Но в чем Руанда уже сейчас добилась больших успехов, это во внедрении информационно-коммуникационных технологий и в развитии ИКТ-сектора экономики. Цифровые и технологические инновации широко используются в здравоохранении, городском планировании, в сельском хозяйстве и торговле. В 2022 г. в стране был создан т.н. Центр четвертой промышленной революции (*C4IR*), нацеленный на разработку и адаптацию к местным реалиям таких новшеств, как искусственный интеллект, блокчейн и Интернет вещей.

<sup>2</sup> <https://www.worldbank.org/en/country/mic> (accessed 11.07.2024)

<sup>3</sup> <https://www.worldbank.org/en/country/rwanda/overview> (accessed 11.07.2024)

<sup>4</sup> <https://ru.tradingeconomics.com/rwanda/foreign-direct-investment> (accessed 12.07.2024)

<sup>5</sup> <https://www.afdb.org/en/countries/east-africa/rwanda/rwanda-economic-outlook> (accessed 11.07.2024)

<sup>6</sup> <https://www.worldbank.org/en/country/rwanda/overview> (accessed 11.07.2024)

<sup>7</sup> <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=RW> (accessed 11.07.2024)

<sup>8</sup> <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=RW> (accessed 11.07.2024)

<sup>9</sup> <https://www.afdb.org/en/countries/east-africa/rwanda/rwanda-economic-outlook> (accessed 11.07.2024)

<sup>10</sup> Ibidem.

<sup>11</sup> <https://rdb.rw/investment-opportunities/manufacturing> (accessed 11.07.2024)

ИКТ и цифровые технологии занимают важное место в планах социально-экономического развития страны. Национальные стратегии «Видение 2020» и «Видение 2050» предусматривают превращение Руанды в «африканскую лабораторию» инноваций и место сосредоточения технологических стартапов. В 2022 г. в Кигали состоялась Всемирная конференция по развитию ИКТ, в которой участвовали 2 тыс. делегатов из 153 стран. В рамках форума прошел первый в мировой истории Глобальный молодежный саммит «Связь поколений» (*Generation Connect*), определивший направления развития цифровой отрасли, прежде всего способы вовлечения африканской молодежи в инновационные процессы<sup>12</sup>.

Хотя вклад сектора ИКТ в ВВП пока составляет лишь 3%, использование таких, пока еще не получивших большого распространения в Африке, ноу-хау, как «противоэпидемические» роботы, отчасти заменявшие врачей во время пандемии *COVID-19*, дроны для доставки медикаментов и т.д.<sup>13</sup>, превращение Руанды в один из «африканских технологических хабов» и эффективное развитие экономики в целом свидетельствуют не только о намерениях, но и о наличии оснований у П.Кагаме для позиционирования страны в качестве потенциального «центра силы» на Африканском континенте.

## ПРОБЛЕМЫ ДОСТИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

Наряду с задачей обретения статуса государства со средними доходами Кагаме поставил своей целью постгеноцидное примирение между всеми проживающими в Руанде народами. Однако, прививая жителям страны, по собственным словам президента, «прочное чувство “руандийства”», предполагающего единство и принятие позитивных ценностей, отличных от разрушительных разногласий прошлого» [5, р. 523], он прибегает к методам, использование которых не ведет к полноценному единению нации, но обеспечивает выживаемость режима и завидную политическую стабильность.

То есть Кагаме выстраивает государство, население которого, независимо от того, поддерживает оно политику правительства и идеологию «руандийства» или нет, обязано полностью подчиняться требованиям властей, прославлять (дабы избежать неприятностей) президента-освободителя и всячески выражать свое дружелюбие по отношению к представителям других этнических групп, потому что обратное квалифицируется как «ревизионизм», «предательство» и т.д. и жестоко карается по закону с названием, в известной мере противоречащим его содержанию, – «Закону об отрицании геноцида и связанных с ним преступлений» (от 2013 г.)<sup>14</sup>.

Среди многочисленных инструментов достижения единства и примирения по-руандийски особую роль играют лагеря «ингандо», которые неофициально называют лагерями «солидарности», «переориентации», «гражданского образования» и т.д. Вскоре после геноцида в них начали отправлять на «перевоспитание» представителей различных групп населения: демобилизованных повстанцев, бывших заключенных, в т.ч. осужденных судами «гачача» (созданными для вынесения приговоров виновникам геноцида), но помилованных, преподавателей, служащих и студентов [3, pp. 550–551].

В руандийских проправительственных СМИ эти лагеря изображались как места для обсуждения важных общественных проблем, прежде всего «путей преодоления расколов по этническому принципу», однако вместо реальных дискуссий на этих собраниях происходило просто заучивание «правильных» ответов на «щекотливые» вопросы, например: «Что нужно сделать, чтобы искоренить всякие поползновения к геноциду?». Нужно было отвечать: «Мы должны научиться уважать принципы единства и примирения, и это поможет нам преодолеть все проблемы нашей страны» (цит. по: [5, р. 511]). Лагеря становились площадками, на которых искусственно навязывались официальные взгляды, в т.ч. на историю Руанды, и заучивались цитаты из выступлений Кагаме и его ближайших соратников. Имело ли это те результаты, на которые было нацелено, то есть достигалось ли таким образом единство? С одной стороны, да, потому что из умевших правильно отвечать на вопросы формировалась группа сторонников режима, которые, независимо от того, что они думали на самом деле, последовательно проводили в жизнь все решения правительства. С другой – нет, так как грубое навязывание

<sup>12</sup> <https://dai-global-digital.com/rwandas-road-to-digital-transformation.html> (accessed 10.07.2024)

<sup>13</sup> Ibidem.

<sup>14</sup> <https://www.pnp.ru/in-world/unichtozhayte-bacilly-genocida-poka-ne-prishla-beda.html> (accessed 10.07.2024)

зывание идей далеко не всегда побуждает людей слепо им следовать, тем более что практика их реализации в значительной степени противоречила идеологическим установкам.

Руанду иногда называют не «государством с армией», а «армией с государством» [6, р. 2]. Сам Кагаме, будучи в течение уже более чем 20 лет гражданским президентом, не избавился от наклонностей военачальника и предпочитает решать политические вопросы не в ходе переговоров, а силой, поэтому армия и службы безопасности остаются среди тех немногих формальных институтов, которым президент доверяет и на которые он опирается. Управление военной разведки (*Directorate of Military Intelligence*) и Национальная служба разведки и безопасности (*National Intelligence and Security Service*) располагают обширными сетями агентов и информаторов и «наблюдают» за всеми гражданами страны – от высокопоставленных чиновников до крестьян и мелких торговцев [3, р. 558].

Руанда действительно обладает боеспособной армией, насчитывающей 33 тыс. человек [7, р. 511], отличающейся дисциплинированностью и высоким уровнем профессионализма. Её военная мощь отчасти объясняется происхождением из повстанческого движения в изгнании (РПФ был образован в Уганде в 1988 г.), опытом сражений в 1980-е гг. в составе угандийского Движения национального сопротивления во главе с Йовери Мусевени, участия в руандийском конфликте 1990–1994 гг. между тутси и хуту и преодоления геноцида.

Кроме того, для обретения военно-организационных навыков и в соответствии со стремлением Кагаме сформировать для страны имидж «континентального миротворца» контингенты руандийских ВС неоднократно направлялись в зоны конфликтов в составе миссий АС и ООН в Судане, Дарфуре, Южном Судане, Центральноафриканской Республике и др. В настоящее время они участвуют в разрешении политического кризиса в мозамбикской провинции Кабу-Дельгаду (подробнее см.: [8]). Благодаря участию в относительно успешных миротворческих операциях в ЦАР и Мозамбике Руанда обрела имидж «гаранта безопасности» на Африканском континенте, но есть и обратная сторона медали: благодаря «героическому» прошлому и настоящему в армии глубоко укоренилось чувство безнаказанности по принципу «победитель получает все».

Ради защиты и упрочения своей власти режим прибегает к различного рода репрессиям – запрещению политических партий, арестам независимых журналистов и оппозиционеров, отстранения последних от участия в выборах, как это произошло, например, с шестью возможными кандидатами на пост президента на июльских выборах 2024 г., в т.ч. с двумя женщинами<sup>15</sup>, к убийствам, похищениям и т.д. В свою очередь, силовые структуры усугубляют ситуацию тем, например, что аресты сопровождаются избиениями и калечением, грабежами и изнасилованиями [9, р. 231]. Причем и солдаты, и полицейские, особенно тутси, которые составляют большинство сотрудников служб безопасности, до сих пор, по прошествии 30 лет, позиционируют себя в качестве «освободителей» и пребывают в полной уверенности, что им всё сойдет с рук. То есть достижение единства и примирения происходит в атмосфере страха и насилия.

Чтобы избежать обвинений в «подстрекательстве к геноциду», руандийцы вынуждены постоянно подчеркивать свою толерантность, утверждая, что «забыли старые обиды» и готовы строить «Новую Руанду» – оазис стабильности и процветания [10, р. 21]. Однако «принудительное», достигаемое угрозами, «примирение» не только не способствует подлинному единению нации, но и становится конфликтогенным фактором, возбуждая, на наш взгляд, подспудное чувство недовольства режимом.

Достижению единства препятствуют переименование правительством Кагаме «Геноцида в Руанде» в «Геноцид тутси» и манера, в которой ежегодно 6 апреля (начало бойни, формально закончившейся 18 июля) проводится «День памяти жертв геноцида». Это мероприятие стало поминками по погибшим тутси и напоминанием о вине хуту, что лишь подогревает вражду между двумя группами, тем более что, во-первых, далеко не все хуту участвовали в геноциде, а некоторые даже укрывали тутси, становясь жертвами экстремистов; во-вторых, за постгеноцидные годы многие хуту – реальные убийцы – уже либо умерли, либо бежали из страны, и остракизму подвергаются те представители этого народа, которые к событиям 1994 г. не могут иметь отношения хотя бы в силу возраста.

В свою очередь, руандийцы, которые пытаются помянуть хуту, погибших от рук бойцов РПФ во время гражданской войны 1990–1994 гг., во время геноцида и на территории ДРК, обвиняются в разжигании межэтнической ненависти и становятся жертвами репрессий. То есть поминовение погиб-

<sup>15</sup> <https://africacenter.org/spotlight/2024-elections/rwanda> (accessed 10.07.2024)

ших тутси и игнорирование жертв-хуту препятствует продвижению идеологии «руандийства» и уж точно не способствует единению нации.

Еще одним камнем преткновения на пути к примирению стал принцип распределения государственной материальной помощи, которая предоставляется в первую очередь тутси, пережившим геноцид, и семьям жертв геноцида и лишь затем хуту, вина которых не была доказана. Естественно, у дискриминируемых групп населения возникает вопрос – почему, если уж правительство требует от нас забыть об этнической принадлежности и считать себя «руандийцами», мы, хуту, не можем, как и тутси, получить от правительства хотя бы одну корову? [10, р. 265] (Раздача коров в качестве помощи сельскому населению предусмотрена специальной правительственной программой «Гиринка» (*Girinka*); количество этих животных в деревенской семье является мерилем её благополучия.) Так или иначе, но несправедливое, по крайней мере на взгляд хуту, распределение помощи, а также их дискриминация при поступлении в вузы, устройстве на работу, получении хорошо оплачиваемой должности и жилья не только не ведут к примирению, но и вызывают недовольство, пока режимом успешно подавляемое.

Одним из инструментов сохранения видимой стабильности, взятым Кагаме на вооружение, является ослабление не только несистемной, но и системной оппозиции. Члены «карманного» парламента опасаются, дабы избежать наказания, обсуждать наиболее острые вопросы развития страны. Между тем президент, теперь уже не только опытный военный, но и искусный политик, старается представлять свой режим в наиболее выгодном свете, поэтому руандийский депутатский корпус отличается большим присутствием в нём женщин. Формальное достижение гендерного равенства, в самом начале правления Кагаме провозглашенное им в качестве одной из важнейших целей режима [11], не стоило ему никакого труда: почему бы и не ввести в парламент большую группу женщин, которые будут послушно поддерживать политические решения, чтобы избежать отстранения или, еще хуже, насилия? Именно этим и объясняется наличие в стране такого числа депутатов – представительниц «слабого пола», в то время как женская непарламентская оппозиция подвергается репрессиям в неменьшей степени, нежели мужская.

## ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

До геноцида, в период правления (1973–1994) Ж. Хабьяриманы, Руанда находилась в сфере влияния Франции, активно поддерживавшей тогдашний режим и даже оказывавшей ему помощь в борьбе с повстанцами РПФ. После 1994 г. правительство Кагаме отстранилось от Парижа, а проведение французами расследования преступлений РПФ – насилия в отношении хуту во время конфликта 1990–1994 гг. – даже привело к разрыву дипломатических отношений между Руандой и Францией в 2006–2009 гг.

В результате внешнеполитическими ориентирами Руанды в постгеноцидный период стали США и – в меньшей степени – Великобритания. США, которые налаживали контакты с РПФ уже с конца 1980-х гг., а в 1990 г. пригласили Кагаме на обучение в Колледже командования и генерального штаба в Форт-Ливенворте (Канзас) [9, р. 42], после охлаждения руандийско-французских отношений стали ближайшим партнером Кигали в сфере безопасности. Основной акцент американцы делали на образовательных программах для военнослужащих и сотрудников силовых ведомств, в т.ч. в области охраны границ, военной медицины, авиационной безопасности и повышения квалификации миротворцев. В рамках учрежденного американцами в 2015 г. Африканского миротворческого партнерства Вашингтон предоставляет Кигали вооружения и иное снаряжение. В 2023 г. в Руанде (а также в Кении, Джибути, Сомали и Уганде) прошли масштабные многонациональные учения *Justified Accord*, организованные АФРИКОМом<sup>16</sup>.

Что касается контактов с Великобританией, то уже в 1996 г. Кигали подал заявку на вступление в Содружество наций. Она была неудачной, но вторая, поданная в 2007 г., была одобрена, и в 2009 г. Руанда вступила в организацию. В целом Кигали рассматривает Содружество как более эффективный механизм развития экономических связей на континентальном и глобальном уровнях, нежели Организация Франкофония [12, pp. 11–13].

<sup>16</sup> <https://mod.prod.risa.rw/news-detail/rdcf-participates-in-multinational-exercise-justifiedaccord-2023> (accessed 10.07.2024)

И США, и Великобритания, и другие западные страны критиковали режим Кагаме за вмешательство в дела соседней ДРК и за репрессии в отношении оппозиции и в 2012 г. даже сокращали – в качестве наказания – размеры помощи, впрочем, вскоре возобновленной в прежнем объеме, что свидетельствует о том, что политика РПФ была с Западом согласована, а критика явилась ответом на репортажи в СМИ. Есть и еще одно объяснение твердой поддержки со стороны США и других промышленных держав режима в Кигали: через него они получают доступ к природным ресурсам пограничных с Руандой восточных районов Конго.

Хотя Руанда – одно из самых небольших государств в Африке с численностью населения около 14 млн человек, она проводит активную внешнюю политику на континенте, при этом главным направлением её стратегии на международной арене остается развитие военной дипломатии. Участие страны в миротворческих миссиях ООН отчасти смягчает критику в западных СМИ авторитарного правления Кагаме и военной интервенции в соседнюю ДРК, куда после геноцида прибыло более 1 млн руандийских беженцев-хуту, спасавшихся от возмездия тутси и осевших преимущественно в богатых природными ресурсами провинциях Северное и Южное Киву<sup>17</sup>.

Повествование о действиях руандийской армии в восточных районах ДРК, начиная с Первой (1996–1997) и Второй (1998–2003) конголезских войн и заканчивая событиями начала XXI в., когда руандийские военные совершили несколько рейдов на территорию соседа, что привело к очередному обострению конфликта между Киншасой и Кигали (подробнее см.: [13]), возможно, заполнит самые мрачные страницы истории отношений между двумя странами.

Так, 18 октября 2021 г. во время вторжения отрядов РПФ в пограничные районы Северного Киву пострадали десятки мирных граждан; в марте 2022 г. столкновения между солдатами руандийской и конголезской армий вспыхнули вблизи границы между ДРК и Угандой<sup>18</sup>.

Между тем руандийское правительство позволяет своим солдатам не только совершать в восточных районах ДРК убийства хуту (справедливости ради следует отметить, что недавние комбатанты-хуту, организованные в местные ополчения – «интерахамве», также периодически совершают вооруженные набеги на соседнюю территорию), но и заниматься незаконной добычей полезных ископаемых (т.е. грабежом) с последующим их вывозом в Руанду и дальше в Европу, США и Азию.

Так, в середине 2010-х гг. Руанда, не добывающая колтан, превратилась в самого крупного в мире экспортера колумбито-танталового концентрата; в 2021–2022 гг. страна выручила от продажи колтана около \$250 млн<sup>19</sup>. В марте 2023 г. министр финансов ДРК Н.Казади заявил, что в 2022 г. доход Руанды от продажи незаконно добытых конголезских ресурсов составил почти \$1 млрд<sup>20</sup>. Следует отметить, что агрессивная политика Руанды в отношении ДРК (к тому же также входящей в Восточноафриканское сообщество), обусловленная не столько стремлением защитить тутси, сколько нежеланием лишиться прибылей от экспорта конголезских полезных ископаемых (олова, вольфрама, тантала, золота, алмазов и др.), препятствует превращению возглавляемого Кагаме государства в регионального лидера.

Что касается контактов между Руандой и Россией, то дипломатические отношения между двумя странами были установлены 17 октября 1963 г., и с тех пор двусторонние связи неоднократно переживали периоды спадов, как, например, в 2022 г., когда Руанда поддержала Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН «Агрессия против Украины»<sup>21</sup>, и подъемов: например, в июне 2024 г. Руанда сняла свою подпись под совместным коммюнике, принятым по итогам организованной Западом в Швейцарии т.н. мирной конференции по Украине<sup>22</sup>. Возможно, этот шаг Кигали объясняется стремлением Кагаме к диверсификации внешней политики и к получению потенциальных выгод от сотрудничества с РФ в военно-технической и гуманитарной сферах. Так, в 2019 г. было заключено межправительственное соглашение о совместном сооружении в Кигали Центра ядерной науки и технологий, а в

<sup>17</sup> [https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/donelli\\_rwanda\\_military\\_diplomacy\\_2022.pdf](https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/donelli_rwanda_military_diplomacy_2022.pdf) (accessed 16.07.2024)

<sup>18</sup> <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14897033?ysclid=lwq2lzh7i946344782> (accessed 16.07.2024)

<sup>19</sup> <https://www.theafricareport.com/217753/uganda-minister-oryem-claims-kampala-notbacking-any-side-in-rwanda-drc-dispute> (accessed 24.07.2022)

<sup>20</sup> <https://www.ft.com/content/ecf89818-949b-4de7-9e8a-89f119c23a69> (accessed 10.07.2024)

<sup>21</sup> <https://digitallibrary.un.org/record/3959039> (accessed 10.07.2024)

<sup>22</sup> <https://ria.ru/20240618/konferentsiya-1953553271.html?ysclid=lyl9dogr85208383333> (accessed 14.07.2024)

2024 г. на Международном форуме «АТОМЭКСПО» подписан меморандум о взаимопонимании между Томским политехническим университетом и Советом по атомной энергии Руанды, предусматривающий сотрудничество в подготовке кадров и проведении исследований в области ядерной физики и технологий<sup>23</sup>.

В 2016 г. была достигнута договоренность о поставках из России в Руанду военной техники и иной продукции военного назначения, а также о подготовке в РФ руандийских военных. Для реализации этих целей в 2017 г. начала работу российско-руандийская межправительственная комиссия по военно-техническому сотрудничеству<sup>24</sup>.

Между тем товарооборот между Москвой и Кигали пока столь мал (в 2020 г. – \$22,7 млн<sup>25</sup>; более поздние данные отсутствуют), что в статистических сводках о внешней торговле Руанды его доля оценивается в 0%; для сравнения: товарооборот с Китаем в 2021 г. превышал \$364 млн (18%)<sup>26</sup>.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

15 июля 2024 г. в Руанде состоялись президентские выборы, победу на которых одержал 66-летний П.Кагаме, набравший 99,18% голосов<sup>27</sup>. В любой другой стране подобные результаты считались бы невероятными, но в Руанде при правлении Кагаме выборы стали жестко управляемым электро-ральным процессом, поэтому, несмотря на рост оппозиции, действующий президент легко одержал «убедительную» победу над двумя соперниками. Как и в 2017 г., в 2024 г. независимые наблюдатели отметили запугивание избирателей и фальсификацию подсчета голосов. Однако нужно ли было Кагаме прибегать к подобным мерам? Представляется, что нет. В условиях, когда он, наряду с реальным авторитетом, располагает и мощными инструментами тотального контроля над обществом, ему достаточно было бы просто объявить себя «победителем», и никто не посмел бы ему возразить. Можно с большой долей уверенности предположить, что выборы в Руанде вообще проводятся только для того, чтобы западные спонсоры не могли упрекнуть Кагаме в «недемократичности».

Период с 2024 по 2029 г. будет 4-м официальным сроком пребывания Кагаме у власти. Поправка к конституции, внесенная в 2015 г., позволила ему в 2017 г. в третий раз избраться на 7-летний срок и получить право баллотироваться еще два раза на срок по 5 лет. То есть он может управлять до 2034 г., когда общий период президентства Кагаме будет исчисляться 4 десятилетиями. А там видно будет...

Таким образом, в ближайшие годы, скорее всего, не следует ожидать существенных изменений ни во внутренней, ни во внешней руандийской политике, отличающейся между тем заметной противоречивостью. С одной стороны, правительству Кагаме удалось добиться высокого уровня политической стабильности; с другой – она достигается путем применения жестких мер в отношении даже не реальных, а потенциальных противников режима, что неминуемо ведет к росту оппозиционных настроений. Во внешней политике Руанда позиционирует себя в качестве «континентального миротворца», но её агрессивные действия на территории ДРК получили осуждение не только африканских стран, но и Запада. В то же время, добиваясь успехов в миротворческих операциях, РПФ укрепляет национальный престиж Руанды, расширяет политическое влияние и получает доступ к природным ресурсам стран региона, что, возможно, позволит сбыться геостратегическим амбициям Кагаме – превращению Руанды в один из «центров силы» на Африканском континенте.

## ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Шленская С.М. Руанда после геноцида. *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 5. С. 56–59.  
Shlenskaya S.M. 2014. Rwanda: 20 years after Genocide. *Asia and Africa today*. № 5. Pp. 56–59. (In Russ.).

<sup>23</sup> <https://atommedia.online/2024/03/27/tomskiy-politekhnicheskii-universitet-stanet-opornoy-ploshchadkoy-po-podgotovke-kadrov-dlya-ruandy/?ysclid=lyla2know645637205> (accessed 14.07.2024)

<sup>24</sup> <https://www.kp.ru/online/news/3134709/?ysclid=lyladep0e3183871713> (accessed 14.07.2024)

<sup>25</sup> <https://ru-stat.su/date-Y2022-2022/RU/trade/RW/?ysclid=lylah0ahf9469515685> (accessed 14.07.2024)

<sup>26</sup> <https://russian.news.cn/20230121/55801f02822e443e9961cf38405ac8a0/c.html> (accessed 11.06.2024)

<sup>27</sup> <https://afrinz.ru/2024/07/dejstvuyushhij-prezident-ruandy-pobedil-na-vyborah-nabrav-bolee-99-golosov/?ysclid=lyrfd89b5956209651> (accessed 18.07.2024)

2. Элез А.Й. Геноцид населения Руанды 1994 года как эпизод истории неокolonизма. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2023. № 4. С. 59–76. DOI: 10.31132/2412-5717-2023-65-4-59-76  
Elez A.J. 2023. Genocide of the Population of Rwanda in 1994 as an Episode in the History of Neocolonialism. *Journal of the Institute for African Studies*. № 4. Pp. 59–76. (In Russ.). DOI: 10.31132/2412-5717-2023-65-4-59-76
3. McDoom O.S. 2022. Securocratic state-building: the Rationales, Rebuttals, and Risks behind the Extraordinary Rise of Rwanda after the Genocide. *African Affairs*. № 121. Pp. 535–567. DOI: 10.1093/afraf/adac031
4. Beloff J. The US and Rwanda: How the relationship has evolved since the 1994 genocide. *King's College London*, 03.08.2022. <https://www.kcl.ac.uk/the-us-and-rwanda-how-the-relationship-has-evolved-since-the-1994-genocide> (accessed 02.07.2024)
5. Purdeková A. 2008. Building a Nation in Rwanda? De-ethnicisation and its Discontents. *Studies in Ethnicity and Nationalism*. Vol. 8. № 3. Pp. 502–523.
6. Reyntjens F. 2011. Constructing the Truth, Dealing with Dissent, Domesticating the World: Governance in Post-Genocide Rwanda. *African Affairs*. Vol. 110. № 438. Pp. 1–34.
7. The Military Balance. L.: Routledge, 2024.
8. Денисова Т.С., Костелянец С.В. Мозамбик: радикализация ислама как фактор политической нестабильности. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 5. С. 46–55. DOI: 10.31857/S032150750030834-9  
Denisova T.S., Kostelyanets S.V. 2024. Mozambique: Islamic Radicalization as a Factor of Political Instability. *Asia and Africa today*. № 5. Pp. 46–55. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030834-9
9. Melvern L. A People Betrayed. The Role of the West in Rwanda's Genocide. L.–N.Y.: Zed Books, 2009.
10. Rieder P. Comparative Reconciliation Politics in Rwanda and Burundi. Doctoral dissertation. Montreal: Concordia University, 2015. <https://core.ac.uk/download/pdf/211518279.pdf> (accessed 02.07.2024)
11. Prunier G. Africa's World War. Congo, the Rwandan Genocide, and the Making of a Continental Catastrophe. Oxford: Oxford University Press, 2009.
12. Muhammad A., Hutami A.N. 2021. Why did Rwanda join British Commonwealth?: Explaining Rwanda's Foreign Policy. *Nation State: Journal of International Studies*. Vol. 4. № 1. Pp. 1–17. DOI: 10.24076/nsjis.v4i1.454
13. Денисова Т.С., Костелянец С.В. Демократическая Республика Конго: политическая нестабильность и фактор Руанды. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. № 1. С. 37–47. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-3-1-37-47  
Denisova T.S., Kostelyanets S.V. 2023. The DRC: Political Instability and the Rwanda Factor. *Vestnik RUDN. International Relations*. № 1. Pp. 37–47. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-0660-2023-3-1-37-47

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Денисова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром изучения стран Африки южнее Сахары, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Tatyana S. Denisova, PhD (History), Leading Researcher, Head, Centre for the Study of Africa South of Sahara, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Костелянец Сергей Валерьянович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Sergey V. Kostelyanets, PhD (Political Science), Leading Researcher, Head, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию  
(Received) 19.07.2024

Доработана после рецензирования  
(Revised) 28.07.2024

Принята к публикации  
(Accepted) 11.08.2024